

ПАНОРАМА

УДК 304

DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-178-198

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ФЕМИНИЗМА: СОЦИАЛЬНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Воронина Ольга Александровна

– доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник.

Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240,

Москва, Гончарная ул., 12/1;

e-mail: olga-voronina777@yandex.ru

В статье рассматривается наиболее плодотворный период формирования феминистских теорий – последняя треть XX в. Именно тогда развиваются концептуальные модели объяснения причин дискриминации женщин. Это в значительной степени было обусловлено тем, что к анализу данной проблемы подключились исследователи социально-гуманитарных направлений. В статье основное внимание уделяется так называемой «практической философии» феминизма, поскольку для нее особенно важно отразить свои мировоззренческие позиции в реальной жизни. В рамках феминистской практической философии выделяются три основных направления: поиск причин дискриминации женщин и построение на основе эмпирических данных наук объяснительных моделей этого глобального феномена; анализ и критика традиционных социально-философских теорий, в которых этот феномен игнорировался; обнаружение новых проблемных областей и выработка практических решений реальных проблем. Автор показывает интеграцию феминистских идей и практик в международно-правовые документы по вопросам гендерного равенства. Отмечается, что с началом XXI в. произошли значительные изменения в феминистской «повестке дня». С одной стороны, этому способствовала критика со стороны не западных феминисток, что привело к дисперсности направлений исследований, применяемых методологий и выдвигаемых целей. Иными словами, «феминизмов» стало еще больше, и они не всегда могли найти общий язык между собой. С другой стороны, вместе с усилением консервативной волны ее сторонники усилили критику феминизма. В интеллектуальном плане свою негативную роль сыграло наступление эпохи «пост»: постмодернизма, постфеминизма, постгендеризма, постгуманизма. Вместе с тем очевидно, что интеллектуальные и социальные достижения феминистской теории прочно вошли в интеллектуальную культуру глобального человечества.

Ключевые слова: практическая философия, феминистские теории, права женщин, гендерное равенство, критика традиционных соци-

ально-политических концепций, международно-правовые документы, постфеминизм

Цитирование: Воронина О.А. Практическая философия феминизма: социальные, политические, этические и правовые аспекты // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 178-198. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-178-198

PRACTICAL PHILOSOPHY OF FEMINISM: SOCIAL, POLITICAL, ETHICAL, AND LEGAL ASPECTS

Olga A. Voronina – DSc in Philosophy, leading research fellow Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: olga-voronina777@yandex.ru

The article examines the most fruitful period of the formation of feminist theories – the last third of the twentieth century. It was then that conceptual models of explaining the causes of discrimination against women emerged. This was largely due to researchers in social and humanities studies who joined the analysis of this problem. The article focuses on the so-called “practical philosophy” of feminism, since it emphasizes the need of reflecting its worldview positions in real life. Three main trends are distinguished. One refers to the search for the causes of women’s discrimination and the construction of explanatory models of this global phenomenon based on empirical data of sciences. The other involves analysis and criticism of traditional socio-philosophical theories in which this phenomenon was ignored. The third trend refers to the discovery of new problem areas and the development of practical solutions to real social issues. The author shows the integration of feminist ideas and practices into international legal documents on gender equality. It is noted that since the beginning of the 21st century there have been significant changes in the feminist “agenda”. On the one hand, this was facilitated by criticism from non-Western feminists, which led to a dispersion of research areas, applied methodologies and put forward goals. In other words, there were even more “feminisms” and they could not always find a common language among themselves. On the other hand, along with the strengthening of the conservative wave, its supporters have intensified criticism of feminism. Intellectually, the onset of the “post” era played its negative role resulting in such trends as postmodernism, postfeminism, postgenderism, and posthumanism. At the same time, it is obvious that the intellectual and social achievements of feminist theory have firmly entered the intellectual culture of global humanity.

Keywords: practical philosophy, feminist theories, women’s rights, gender equality, criticism of traditional socio-political concepts, international legal documents, post-feminism

For References: Voronina, Olga. 2022. Practical philosophy of feminism: social, political, ethical, and legal aspects, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (4): 178-198. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-178-198 (In Russian)

Одно из наиболее общих определений феминизма – это теория и социальное движение в защиту прав женщин. Социальное движение возникло раньше, в середине XIX в. По мере его развития стали формироваться и теоретические концепции, которые должны были выявить и объяснить причины глобальной дискриминации женщин. Феминистская теория междисциплинарна, она включает социально-философские, политические, экономические, психологические, исторические, культурологические подходы, поскольку сам предмет – причины дискриминация женщин – носит многогранный характер. В силу этого порой бывает трудно соблюсти «дисциплинарные» рамки, и анализ социальной философии с неизбежностью переплетается с политической, а затем и с эпистемологическими или этическими рассуждениями.

Феминистская философия преследует как интеллектуальные, так и политические цели. В отличие от так называемой мейн-стримной философии, она направлена не только на поиск новых знаний, но и на решение практических политических задач. В целом в феминистской политической и социальной философии можно выделить три основные темы: поиск причин дискриминации женщин; анализ и критику традиционных социально-философских теорий; обнаружение новых проблемных областей.

1. Поиск причин дискриминации женщин

Первоначально феминистские авторы использовали для построения своих теорий «классические» политические концепции. Либеральный феминизм долгое время строил свою теорию на основе классического либерализма, который во многом опирается на аристотелевское понимание равенства как подобия. Такое понимание равенства закономерно приводило либералок к убеждению, что любые отличия женщин препятствуют достижению ими равенства с мужчинами. Именно поэтому либфеминистки (М. Уолстонкрафт, Х. Миль, Б. Фридан [Friedan, 1963], С. Оукин [Okín, 1980]) в течение ста лет пытались доказать сходство (тождественность) женщин и мужчин как существ, в равной степени обладающих рациональностью. Не найдя должного ответа на вопрос, возможно ли равенство между мужчинами и отличающимися от них женщинами, либеральный феминизм стал отрицать различия между ними ради достижения социального равенства. В тех ситуациях, когда некоторые различия все же оказались очевидными, либералки настаивали на изменении способов социализации и приобщении женщин к мужским стандартам поведения. Именно поэтому основной политической стратегией классического либерального феминизма стала борьба за формально-правовое равенство женщин с мужчинами. И благодаря их усилиям во многих странах в зако-

нодательстве появились новые нормы, гарантирующие женщинам равенство прав. Однако следует подчеркнуть, что «безразличное к полу» законодательство игнорирует социальные реалии гендерно сконструированного общества – в частности, женскую репродуктивную роль, которая ставит женщин в невыгодное положение на рынке труда.

По-видимому, неудачи либерального феминизма связаны с тем, что его теоретики не приняли концепции структурного гендерного неравенства. Опираясь на идеи справедливости, вытекающие из представлений о рациональности человека, либеральные феминистки полагали, что достаточно указать на дискриминацию женщин, чтобы общество, все его структуры и отдельные персоны осознали ее несправедливость и стали ее искоренять. Эти классические представления, характерные для эпохи модернизма и просвещения, поддерживались либералками вплоть до недавнего времени [Клингер, 1998].

Гендерно нейтральное законодательство, за которое выступали классические либералки, может обеспечить лишь *формальное равенство прав и возможностей*, устранив некоторые социальные барьеры для женщин, да и то не для всех. Дело в том, что либералки принимали современное иерархизированное общество как данность, добиваясь равенства женщин в его рамках. Именно поэтому они не учитывали в своей концепции существующего неравенства между женщинами, принадлежащими к разным социальным слоям и этническим группам, – и это также является следствием понимания равенства как подобия. На практике эта универсальная и абстрактная стратегия означает создание равенства возможностей для мужчин и женщин внутри каждой страты, существующей сегодня. Либеральные феминистки настаивали на равенстве возможностей, а не на равенстве условий. Можно даже сказать, что их целью было достижение женщинами того, то конвенционально считается равенством с мужчинами внутри различных иерархически организованных (упорядоченных) групп.

В социалистическом направлении феминизма [Eisenstein (ed.), 1979; Jaggar, 1983; Young, 1990; Sargent (ed.), 1981] были синтезированы марксистские и феминистские взгляды. Основное внимание социалистические феминистки уделяли анализу социально-экономического неравенства женщин, опираясь на работы Маркса и Энгельса. Они активно дискутировали тему разделения общества на две сферы – публично-производственную, в которой доминируют мужчины, и воспроизводственную (семейную), предназначенную женщинам. По их мнению, именно в отстранении женщин от рынка труда кроется причина неравенства. Социалистические феминистки считали, что институты брака и семьи тесно связаны с частной собственностью, что семья в условиях капитализма становится микрокосмом социальных отношений между классами. Теоретики этого направления утверждали, что разделение частного и публичного труда носит классовый характер, и жены могут

быть сопоставлены пролетариату [Коллонтай, 1919]. Именно поэтому освобождение женщин виделось ими как результат победы социалистической революции.

Современные соцфеминистки критикуют классический марксизм за излишнее внимание к классовым вопросам. Так, А. Янг предложила дополнить традиционный марксизм гендерным анализом и поставить гендерную дифференциацию в центр внимания. В таком случае вместо «гендерно слепого» марксизма, который использует класс как центральную категорию анализа, будет развиваться «феминистский исторический материализм», центральным понятием которого будет «гендерное разделение труда». Если классовый анализ применяется к системе производства в целом, фокусируясь на производственных средствах и отношениях в наиболее общих терминах, то анализ с точки зрения разделения труда больше ориентирован на людей, которые производят. Иными словами, классовый анализ делает дискуссию в отношении роли буржуазии и пролетариата абстрактной, а исследование разделения труда – конкретной, считает А. Янг [Young, 1990].

Помимо этого, теоретики социалистического феминизма акцентировали внимание еще на нескольких важных проблемах. Так, конкретные социально-экономические исследования домашнего труда оказали большое влияние на изменение общественного мнения в отношении неоплачиваемого женского труда, который существенно сужает возможности профессиональной занятости, профессиональной карьеры и просто отдыха. Еще одна тема, связанная с предыдущей, – это отношение общества к работающей матери. Поскольку традиционные определения женственности в первую очередь включают ее определения как «хорошей матери», работающие женщины испытывают чувства неполноценности, вины и страха в те периоды, когда их время и внимание направлены не на уход за домашними. В то же время многочисленные исследования показали, что первичные определения женщин как жен и матерей оказывает непосредственное влияние на формирование вторичного статуса женщин как работников и более низкой оплаты их труда. Еще более важной была критика феминистками-социалистками идеологии «семейной оплаты», в соответствии с которой мужчина рассматривается как «кормилец семьи», которому необходимо платить достаточно для содержания материально зависимых от него жены и детей. И, наконец, кризисные центры, созданные соцфеминистками для помощи жертвам сексуального и криминального насилия, требование государственной поддержки малого бизнеса и детских садов – все это примеры новых структур, которые развивались по инициативе социалисток-феминисток.

Радикальное течение феминизма развивалось самостоятельно, не базируясь на каких-либо политических концепциях. Его основные постулаты сводятся к следующему: женщины являются первой угнетаемой группой; подавление женщин является самой распространенной и самой глубокой формой угнетения и существует

практически в каждом обществе; подавление женщин представляет собой концептуальную модель для понимания других форм подавления. Вместо разработки правовых реформ радикалки критиковали патриархатное общество и его институты, в том числе право; вместо утверждения схождения женщин с мужчинами они утверждали тезис о принципиальных различиях в мужской и женской природе (сущности). В радикально-феминистской концепции центр внимания перемещается с анализа публичной сферы (роль государства как гаранта обеспечения прав женщин, реформирование законодательной системы, участие женщин в политике и прочее) на анализ частной сферы – взаимоотношения женщин и мужчин, семью, материнство и т.н. «специфический женский опыт подавления».

Исходной посылкой построения теории радикального феминизма выступает тезис С. де Бовуар о том, что общество конституирует мужское/маскулинное как позитивную культурную норму, а женское/феминное – как отклонение от нормы. Из концепции инаковости женщин следует, что «различия», культивируемые традиционной гендерной культурой, – это метафоры для обозначения иных или якобы иных форм жизни. Общественная группа, обозначаемая как «другая/иная/чужая/чуждая», получает свидетельство о «неполноценности» и лишается права на «равенство», констатировала Бовуар.

Центральные понятия теории радикального феминизма – патриархат и сексуальная политика. Сам термин «патриархат» (производное от греческого понятия, обозначающего главу рода) давно использовался в политической теории. Многие политики и мыслители в эпоху абсолютистской монархии полагали, что природа власти короля над людьми и власти отца в семье подобны. Однако К. Миллетт придала этому понятию новый смысл и сделала его ключевым для анализа культуры. Механизм утверждения патриархата назван ею «сексуальной политикой», под которой она понимает такую совокупность социальной, идеологической и политической систем, в которой женщины и женское всегда подчинено мужчинам [Миллет, 1994]. Идея о том, что мужская власть над женщинами осуществляется не только и не столько на привычном и видимом уровне – в официальных институтах «высокой политики» или оплачиваемой работы, но и, прежде всего, в скрытой от глаз личной жизни, отражает принципиально иной подход радикальных феминисток к понятию политики. Такое нетрадиционное понимание политики, согласно которому личностная жизнь является сферой приложения власти и подавления, легло в основу самого популярного лозунга радикального феминизма – «Личное есть политическое».

Радикалки полагали, что теория и политические стратегии женского освобождения могут базироваться только на общем женском опыте приватной жизни. *Главными темами радикальной феминистской теории стали брак, семья, сексуальность, материнство,*

насилие над женщинами, мужской контроль над языком и знаниями.

Пытаясь разрешить проблему инаковости женщин, их отличия от мужчин в традиционной культуре, некоторые радикальные теоретики приходят к выводу о том, что, хотя женщины и отличаются от мужчин, но – в лучшую сторону. Постепенно в работах теоретиков радикального феминизма миролюбие, заботливость и самоотверженность стали определяться как особые «женские ценности», проистекающие из сущности женщин, или даже как «особая женская культура». Доказывая этот тезис, радикалки обращаются к анализу таких феноменов, как материнство [Chodorow, 1978; Rich, 1977], духовность [King, 1989], мораль [Gilligan, 1982], насилие и порнография в отношении женщин [Dworkin, MacKinnon, 1988], женское движение за мир и в защиту экологии [Junor, 1996]. Особое распространение среди феминисток получил лозунг «женское – это превосходное» (по отношению к «мужскому»). Мнения об источниках этого превосходства слегка различались в нюансах, но в основном сводились к рассуждениям о связи женщины через материнство с природой, что, как считали радикалки, само по себе порождает их миролюбие и заботливость о других. И именно это, с точки зрения теоретиков радикального феминизма, является истинной и уникальной сущностью женщин как группы. Убеждение в том, что природа женщин и мужчин принципиально различна, с неизбежностью привело радикальных феминисток к введению понятия «Женщина», отражающего ее особую универсальную и трансгисторическую сущность (essence). Эта категория атрибутировала определенные позитивные качества женщине/женщинам как особому типу человеческих существ. На некоторое время категория «Женщина» стала центральной для радикального феминизма. Вслед за этим было сформировано понятие универсального «женского опыта» угнетения, который ранее замалчивался.

2. Критика традиционных политических, философских, социальных концепций

При анализе классических текстов философы-феминистки обнаружили, что традиционные постулаты западной политической мысли основываются на таком понятии «политического», которое конструируется через исключение женщин и всего того, что представляется феминностью [Шенли, Пейтмен (сост.), 2005, с. 14]. Философы практически с момента зарождения философии противопоставили «политическое» и «частное» [Кэрролл, Зерилли, 2004]. Так, в трактате «Законы» Платон положил начало традиции, согласно которой политическое и женщины рассматривались как несовместимые понятия. Аристотель также отвергал способность женщин рационально рассуждать и участвовать в делах полиса. Он полагал, что биологические различия между мужчинами и женщинами детерминируют их политическое неравенство.

По мнению Аристотеля, мужчина – это полноценный гражданин полиса, отмеченный признаками рациональности и политичности; он отождествляет собой понятие человека. Женщина по сравнению с ним есть существо низшего типа, неполноценное, лишенное рациональности. Мужчина, снова подчеркивает Аристотель, «по своей природе выше, а женщина – «ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [Аристотель, 1983, с. 383].

Даже Дж. Локк, разработавший основы политической концепции либерализма и философии прав человека, не отверг традиционное понимание роли женщин. В работе «Два трактата о государственном правлении» Локк провозгласил идею, что все люди рождаются равными, но тут же ввел и ограничения для этого: «не следует понимать так, что это *равенство* распространяется на все: возраст или добродетель могут давать людям справедливое превосходство; исключительные достоинства и заслуги могут поставить кого-то над общим уровнем...» [Шенли, Пейтмен (сост.), 2005, с. 131]. Таким образом, «естественное равенство» людей вовсе не приводит к политическому и гражданскому равенству. Идеология равенства в классическом либерализме XVIII-XIX веков вовсе не распространялась на американских рабов, индейцев, бродяг, нищих, женщин, на коренное население европейских колоний и т.°д. Фактически, это было равенство белых мужчин среднего класса. Феминистские политологи отмечают, что при всей важности понятия «индивидуума» в либерализме, его теоретики просто исключили женщин из своих рассуждений универалистского характера. Одной из причин, по которой это произошло, была все та же аристотелевская концепция разделения личного и общественного, или доктрина «раздельных сфер». Локк утверждает, что личная и общественная сферы базируются на противостоящих принципах; это проявляется в конфликтующих статусах женщин и мужчин, где естественное подчинение противостоит свободному индивидуализму. Локк считает, что природные половые различия между мужчинами и женщинами влекут за собой неизбежное подчинение женщин мужчинам, но это подчинение не носит политического характера.

И. Кант, как и Руссо, придерживался мнения о более низких ментальных способностях женщин и считал, что предназначение женщин, помимо рождения детей, заключается в облагораживании нравов общества. Кант ввел понятия активного и пассивного гражданства. По его мнению, субъектом политической жизни, или активным гражданином, может быть только экономически независимый человек. Все экономически зависимые существа – в том числе женщины – являются пассивными гражданами, то есть объектами политической жизни [Кант, 2010; Полянский, 2014].

Г. Гегель поддерживал идею природного предназначения ролей: жизнь мужчины связана с государством, наукой и работой во внешнем мире; «субстанциальное предопределение» женщины лежит в семье. Женщина не является, по Гегелю, индивидуально-

стью, она не способна к духовной жизни и саморазвитию. Это означает, что у женщин нет истории. С другой стороны, существование низшего женского мира — необходимая составная часть гражданского общества, поскольку этот мир позволяет мужчинам полностью реализовать себя как индивидам, обладающим самосознанием и руководствующимся этическими нормами. Мужчины, в отличие от женщин, работают для «универсального» и «этического». Женщина может приобщиться к этической жизни, только трансформируя свои отношения с конкретным мужем и детьми в служение принципу Семьи, Мужьям и Детям как таковым. Но это порождает конфликт между мужским/универсальным и женским/семейным сознанием. Феминное становится угрозой гражданскому обществу, и поэтому должно быть подавлено и оттеснено в частную сферу [Гегель, 2000, с. 235; Шенли, Пейтмен (сост.), 2005, с. 188].

Феминистские философы обоснованно критикуют традиционное понимание политического субъекта как свободного абстрактного индивида, ассоциирующегося с мужчиной. Это понятие не включает женщин, поскольку из-за предписанных обществом семейных ролей женщины не имеют истинной свободы выбора, что является характерным признаком традиционного политического субъекта. Феминистская философия, как и многие другие концепции, приняла идеи М. Фуко. Постмодернистская феминистская философия трактует политику как сферу властных отношений, которые концентрируются не только в традиционных политических институтах типа государства, но и в гораздо большей степени в сфере частной жизни. Эта идея привела к тому, что феминистские теоретики стали гораздо больше внимания уделять анализу брачно-семейных отношений. Ранее существовало обыденное представление, что брак и семья являются сферой частных отношений, и вмешательство в эту область недопустимо (хотя в реальности властные институты типа церкви и государства всегда их регулировали). Феминистские социальные философы поставили вопрос о том, что семья является не только личным делом, но и социальным институтом и в этом смысле может быть предметом научного изучения и критического анализа [Elstein, 1982].

Не меньшей критике подверглась и традиционная западная философия и ее познавательные каноны. И поскольку, как было показано выше, в философии разум и рациональность считались качеством, принадлежащим только мужчинам как представителям *homo sapiens*, это привело к латентному утверждению андроцентризма и маскулинизма как системообразующих принципов метафизических философских концепций. Сами предпосылки производства теоретического знания, его стандарты «объективности», «рациональности» и «универсальности», ассоциирующиеся с маскулинностью, требуют исключения из познавательного канона того, что понимается как нерациональное, эмоциональное, природное, телесное, частное, то есть символически презентуемое как фе-

минное. Иными словами, гендерная асимметрия оказывается одним из основных факторов формирования традиционной западной культуры как системы производства знания о мире.

Этот канон активно оспаривается в феминистской эпистемологии. Феминистская эпистемология занимается изучением того, как гендерная система общества влияет на формирование концепций познания, познающего субъекта и практики исследования. Обращаясь к опыту женщин, феминистские теоретики убедительно показывают, что доминирующие в западной мыслительной парадигме познавательные практики основаны на отрицании эпистемологического авторитета женщин, принижении «феминных» когнитивных стилей и способов познания, создании социальных теорий, которые игнорируют опыт женщин и их интересы или делают гендерные властные отношения невидимыми. Более того, такие практики познания нередко производят знания, которые не являются полезными для людей, находящихся в подчиненном положении, или даже усиливают гендерные, расовые, этнические и другие социальные иерархии. Феминистские эпистемологи оспаривают эффективность многих априорно принимаемых тезисов классической науки, например, объективности, ценностной нейтральности позиции исследователя, эмоциональной отстраненности познающего субъекта от объекта познания и т.д. Центральный тезис феминистской эпистемологии заключается в том, что познающий субъект всегда находится в определенной социокультурной и личной ситуации, что неизбежно ведет к ситуативности познания. Именно поэтому феминистские философы сосредоточили внимание на определении роли социальных и политических ценностей в исследовании, оценке идеалов объективности и рациональности, доказательстве признания эпистемической ценности способов познания, символически обозначаемых как феминные, и необходимости реформирования структуры эпистемической власти [Воронина, 2017].

Феминистские философы подвергли критике и традиционные каноны моральной этики. Для европейской этики основная задача состоит в том, чтобы определить единый принцип поведения или набор правил, которые при рациональном размышлении будут признаны всеми моральными агентами в качестве руководства для морального выбора. Центральными моральными идеалами являются объективность и универсальность, но, как отмечали феминистки, при этом как правило не учитываются обстоятельства реальной жизни. Традиционная моральная философия, как и философия в целом, опирается на представление об абстрактном рациональном индивиде, и потому задача философа-моралиста состоит в том, чтобы найти способы обеспечить сотрудничество среди таких отдельных индивидуумов.

Феминистские специалисты по этике утверждают, что традиционная картина морального агента является конструктом мужских идеалов и противоречит жизненному опыту женщин. Традиционный моральный агент – это автономный и беспристрастный чело-

век, принимающий решения. Из-за природы этого существа его рациональный выбор будет сделан независимо от конкретных исторических и культурных контекстов. Таким образом, если он принимает правильные решения, он делает выбор, который может быть универсально применен. Сторонники феминистской этики указывают на то, что этот идеал исключает женщин. Например, опыт женщин в традиционных ролях жены и матери не соответствует опыту независимой личности. Сторонники феминистской этики бросают вызов канонической традиции за ее игнорирование интересов женщин, пренебрежение вопросами, имеющими особое значение для женщин, за девальвацию морального опыта женщин и характеристик, культурно ассоциируемых с феминностью [Held, 1997; Hannah, 2020].

Родоначальницей феминистской этики является Кэрол Гиллиган [Gilligan, 1982]. Наблюдая за играми детей, Гиллиган сделала вывод о том, что существует два способа морального поведения – «этика заботы», характерная для девочек, и «этика справедливости» (то есть неукоснительное следование правилам), характерная для мальчишеских игр. Последнюю можно отождествить с традиционной моральной философией, которая предлагает универсальный моральный выбор, сделанный беспристрастными, автономными отдельными лицами. Напротив, этика заботы отдает моральный приоритет контекстуальному и конкретному принятию решения, которое основано на отношениях эмпатии и заботы. И хотя концепция Гиллиган была основана на узком эмпирическом материале и подверглась значительной критике из-за методологической небрежности (да и сама Гиллиган в более поздней работе смягчила категоричность своих выводов), тем не менее ее работа породила широкую дискуссию.

Введение понятия заботы в моральный дискурс действительно может предложить нечто важное моральной философии в целом. Забота – это не просто вопрос чувств или интуиции. У нее есть свои когнитивные аспекты: это практика, требующая суждения, разума и сосредоточенности на конкретных людях. Таким образом, этика заботы может позволить эмоциям и сопереживанию играть определенную роль в принятии моральных решений; роль, которую этика справедливости явно исключает.

Феминистская этика уделяет приоритетное внимание анализу и устранению подчинения женщин (и других угнетенных групп). В связи с этим пересмотру подлежат такие понятия, как равенство, беспристрастность, моральная свобода действий, автономия. Помимо этого, специалисты по феминистской этике предлагают новые взгляды на «прикладные» проблемы, например, на неравенство в оказании медицинской помощи различным группам или на проблемы сексуальных домогательств на рабочем месте.

Феминистские философские дискуссии также касались ценностей и моральных истин. Некоторые разновидности феминистской этики утверждают, что моральное знание является не абстрактным

и объективным, а контекстуальным и конкретным. Тогда это означает, что не существует единого морального знания; скорее, существуют разные моральные перспективы, порожденные разным опытом. С этой точки зрения, нет никаких оснований предполагать, что эти различные точки зрения не могут продуктивно работать вместе, или что в отсутствие монолитной и универсальной морали не может быть никаких критериев для оценки различных моральных действий и выборов. Действительно, способность применять различные моральные знания к различным ситуациям может обеспечить более гибкий и детальный анализ, чем универсально применимые абстрактные правила или формулы.

3. Новые проблемные области: теория и практика

Здесь мы рассмотрим только несколько примеров того, как феминистки обнаруживают современные социальные проблемы женщин и какие способы их решения они предлагают.

Семья и государство

В традиционной политической философии институт семьи упоминался как место рождения и воспитания детей, центральная сфера жизни женщин. Этот тип описания в конечном счете сделал женщин невидимыми в государстве, поскольку эта роль выполнялась в частной сфере. При этом незбылемым было представление о невмешательстве государства в дела семьи.

Феминистки рассматривают семью как важную часть жизни, но настаивают на том, что государство должно признать ценность домашнего труда и расширять поддержку семьи. Включение семьи в качестве законной сферы интересов политической философии – как политического образования – бросает вызов традиционному представлению о том, что семья должна быть вне досягаемости государственного вмешательства. Философы-феминистки рассматривают семью как политическую конструкцию, как продукт законов, политических и экономических систем. Феминистская философская работа о семье не ограничивается абстрактным теоретизированием. Она влечет за собой разработку практических решений для обеспечения социальной справедливости – например, развитие системы государственных детских садов или формирование правовой защиты от насилия в семье.

Инициативы в области безопасности женщин

Важнейшим достижением феминистских разработок права стало обоснование необходимости разработки специального законодательства, гарантирующего личную безопасность женщинам. Дело в том, что в обычном праве, долгое время имевшем хождение в англоязычных странах, насилие против женщин рассматривалось как нарушение прав собственности мужа или отца и «преступление против целомудрия». Как справедливо отмечает Л. Попкова, «включение права на свободу от насилия, в том числе от насилия внутри семьи, в дискурс гражданских прав женщин радикальным

образом изменило ситуацию. Преступления этого рода рассматриваются теперь как нарушение базовых конституционных прав личности, подрывающее основы демократического государства» [Попкова, 2001, с. 233]. В результате реформы уголовного законодательства была разработана процедура судебного преследования и усилены меры наказания за изнасилования. Новые законодательные меры были разработаны и в отношении сексуальных домогательств на рабочем месте, которые рассматриваются теперь как нарушение трудовых прав работников.

Несколько иной оказалась судьба предложенных феминистками законопроектов по борьбе с порнографией. Долгое время не существовало законодательства *против порнографии* – в разных странах есть законодательство против непристойности и цинизма. Это уголовное законодательство, ограничивающее публикации, распространение и видео-воспроизведение материалов, которые считаются неприличными и непристойными. Определение непристойности чаще всего бывает субъективным и дающим возможность для различных интерпретаций, поскольку оно всегда формулируется в терминах моральности или аморальности, добра и зла. Определение порнографии через понятие непристойности затрудняет применение правовых санкций по ее ограничению, поскольку сразу встает вопрос о свободе слова и свободе предпринимательства.

Феминистская юриспруденция предлагает другой подход. Она переносит порнографию из моральной сферы в сферу властных отношений, считая порнографию не столько моральной, сколько гендерной проблемой. С точки зрения прав человека порнография трактуется как «практика сексуальной дискриминации, которая сексуализирует субординацию женщин и эротизирует насилие в отношении женщин» [Itzin (ed.), 1992, p. 435]. Эта дефиниция позволяла сделать порнографию непосредственной мишенью законодательства на основе вреда, который она наносит женщинам. Основная идея разработки *гражданского (а не уголовного) законодательства* против порнографии как дискриминации на основе пола заключалась в том, что такое законодательство даст возможность женщинам возбуждать судебные иски на основе причиненного им вреда. Такое законодательство базируется на новой концепции: сексуальное подчинение и дискриминация рассматриваются как насилие, наносящее вред личности или гендерной группе. Иными словами, порнография понимается как механизм конструирования и усиления гендерного неравенства. Гражданское законодательство позволит избежать криминализации производства порнографии и перестанет загонять его в подполье. Наоборот, оно сделает очевидным вред, который порнография наносит миллионам женщин, и создаст правовые формы борьбы с ней. Важно отметить, что к концу 1980-х годов под влиянием феминистских идей в некоторых странах – Канаде, Западной Германии, Норвегии, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Ирландии – появились новые правовые инициативы по регулированию порнографии.

Равные и/или специальные права женщин

В конце XX в. обсуждение специальных прав женщин (special rights) и специального (дифференцированного) обращения с женщинами (special treatment) вновь стало актуальным. В принципе, политика позитивных действий или позитивной (реверсивной) дискриминации тоже может считаться специальным (а не равным) обращением с женщинами. Однако в употреблении этих терминов в англоязычной литературе есть разница. Понятие позитивных действий относится к улучшению представленности женщин в сфере труда и политики. Термин специальное обращение относится к законодательным мерам, принимаемым для защиты материнских прав работающих женщин. Политические стратегии, предложенные либеральным феминизмом – и отчасти поддержанные в некоторых странах в виде формально-правового равенства, гендерно нейтрального законодательства и позже гендерно чувствительной политики позитивных действий, – не гарантировали равного равенства [Bacchi, 1996; Гардинер (ред.), 2001].

Сторонники специального (дифференцированного) обращения с женщинами уверены, что для устранения дискриминации по полу на рабочем месте должна быть сделана «разумная дискриминация» в пользу женщин в связи с беременностью, материнским отпуском и уходом за детьми. Они справедливо характеризуют политику равного обращения как часть классического либерализма, которое рассматривает индивида вне контекста семьи, религии или класса. По контрасту с анализом абстрактных индивидов, апологеты специальных прав говорят, что хотели бы идентифицировать потребности *женщин как группы*. Сторонники специального обращения говорят о том, что при игнорировании разницы в репродуктивных функциях между женщинами и мужчинами именно мужчина становится той нормой, под которую должны подтягиваться женщины.

Феминистская исследовательница Д. Стетсон отмечает, что гендерно нейтральный стандарт в законодательстве о правах основан на идее, что (1) мужчины и женщины одинаковы и (2) на женщин распространяются все права и все виды ответственности мужчин. Поэтому, продолжает она, использование «мужского стандарта» равенства помогает женщинам только в тех областях, где они выступают как одинаковые индивиды – например, при использовании политических прав и свобод. В тех случаях, когда женщины отличаются от мужчин (прежде всего, связанных с деторождением), равные права фактически приводят к большей нагрузке на женщин. Например, равные права на рабочем месте дают реальное равенство только тем женщинам, которые, подобно мужчинам, могут позволить семейным обязанностям не препятствовать профессиональным. «Стандарт равенства», по выражению Стетсон, часто используется для того, чтобы игнорировать различия посредством гендерно нейтрального языка законов. В этом случае гендерная иерархия остается без изменений. Но если закон апеллирует

только к ситуации *отличия женщин от мужчин*, развивая принципы дифференцированного обращения с женщинами, то он тем самым также закрепляет гендерную иерархию. Она согласна с теми исследователями, которые полагают, что поиски единого стандарта для решения женских проблем непродуктивны; вместо этого необходимо определить нежелательные последствия специфических ситуаций и находить способы их законодательного регулирования [Stetson, 1997, p. 50-51].

Дискуссии в феминистской социальной и политической философии привели к тому, что в международных документах по правам человека появился концепт *women's human rights*. Это понятие включает весь спектр прав человека, а также специальные права, связанные, во-первых, с материнством, а, во-вторых, обусловленные необходимостью преодоления дискриминации в отношении женщин. И хотя этот многозначный концепт пока переводится на русский язык неуклюжим термином «права человека для женщин» или «права человека в отношении женщин», замена его простым сочетанием «права женщин» чревата утерей нового и важного смысла.

На уровне международно-правовой практики возникает понятие комплексного подхода к проблеме гендерного равенства. Комплексный подход к проблеме гендерного равенства понимается как «систематическая интеграция приоритетов и потребностей женщин и мужчин в программы по социальной политике для продвижения равенства между женщинами и мужчинами; развитие специальных мер социальной политики для достижения равенства, сопровождаемых учетом их эффекта в отношении женщин и мужчин уже на стадии планирования с последующим мониторингом и оценкой» [One Hundred Words, 1998, p. 6]. «Цель политики гендерной интеграции – улучшение качества политики и предупреждение негативных последствий. Мониторинг гендерных последствий социальной политики должен быть развит, в частности, в отношении политик и программ, которые обычно считаются гендерно нейтральными» [Equal Opportunities, 2000, p. 11].

Комплексный подход к проблеме гендерного равенства заключается также в организации (реорганизации), улучшении, совершенствовании и оценке процессов принятия решений лицами, вовлеченными в осуществление политики, для интеграции проблематики равенства во все области и на все уровни [Комплексный подход, 1998, с. 22]. Важно отметить, что комплексный подход «предполагает более широкое и более полное определение равенства, оценивающее многообразие и существование различий». Он также «ставит вопрос о пересмотре мужской «поляризации» общества и о структурном характере гендерного неравенства» [там же].

Отправной точкой комплексной политики в области гендерного равенства является все общество в целом. Комплексный подход является фундаментальной стратегией, поэтому ее осуществление требует длительного времени. Обычные политики равенства могут

дать более быстрые результаты, но они ограничены в основном отдельными специфическими областями. Новизна и специфичность комплексного подхода к гендерному равенству заключаются в том, что он интегрирует интересы и ценности как женщин, так и мужчин и свободен от сексизма любого вида [Комплексный подход, 1998, с. 23-25].

Появление такого подхода связано с новым пониманием равенства с точки зрения соотношения сходства и различия. Авторы доклада решают этот вопрос с гендерных позиций, не противопоставляя эти понятия, а диалектически их сочетая. Равенство, по их мнению, подразумевает равное положение, независимость, ответственность и всеобъемлющее участие женщин и мужчин во всех сферах общественной и частной жизни. Признавая, что равенство в правах необязательно ведет к фактическому равенству, специалисты обсуждают это с точки зрения различий в условиях жизни женщин и мужчин. При этом они отмечают, что проблема заключается не в том, что различия существуют, «а в том, что они не должны вести к дискриминации...» [Комплексный подход, 1998, с. 8]. Различия необходимо принимать во внимание специальным образом, ориентированным на равное распределение экономических, социальных и политических возможностей. Гендерное равенство не означает, с точки зрения европейских специалистов, идентичности женщин и мужчин или «установления в качестве нормы присущих мужчинам условий или образа жизни» [там же, с. 9]. Стараясь точнее определить смысл равенства, авторы доклада обращаются к рассмотрению понятия гендер и акцентируют наличие в нем властной компоненты, ссылаясь на известное высказывание Джоан Скотт «гендер – это приоритетный способ выражения властных отношений» [Scott, 1997, p. 764]. Это обращение в официальном тексте, изданном под грифом Совета Европы, к идеям гендерного теоретика весьма радикальной ориентации необычно и показательно. Оно символизирует поворот от традиционной Аристотелевской формальной трактовки равенства к новому пониманию этого феномена. Сегодня *принцип равенства включает в себя и право на различия*, что предполагает необходимость учитывать отличительные черты, характерные для женщин и мужчин, связанные с их принадлежностью к тому или иному социальному классу, с их политическими взглядами, религией, этнической группой, расой ...» [Комплексный подход, 1998, с. 22]. Понятие равенства, на котором базируется новый подход, включает «права женщин и мужчин на различия и разнообразие. ... комплексный подход принимает во внимание различия полов..., не ограничивается исключительно женскими вопросами. Комплексный подход требует, чтобы в расчет брались также и отношения между женщинами и мужчинами, не сводя понятие к интересам двух полов по отдельности» [там же, с. 27]. Иными словами, существующие различия между женщинами и мужчинами должны учитываться, но не для создания и сохранения иерархии, а для преодоления ее отрица-

тельных последствий. Так феминистский принцип «равенство в различии» проник в документ Совета Европы.

Таковы успехи западной феминистской теории в конце XX в. С началом XXI в. произошли значительные изменения в феминистской «повестке дня». С одной стороны, этому способствовала критика со стороны не западных феминисток, что привело к дисперсности направлений исследований, применяемых методологий и выдвигаемых целей. Иными словами, «феминизмов» стало еще больше, и они не всегда могли найти общий язык между собой. С другой стороны, вместе с усилением консервативной волны ее сторонники усилили критику феминизма. В интеллектуальном плане свою негативную роль сыграло наступление эпохи «пост»: постмодернизма, постфеминизма, постгендеризма, постгуманизма (подробнее см: [Воронина, 2019]). Вместе с тем очевидно, что интеллектуальные и социальные достижения феминистской теории прочно вошли в интеллектуальную культуру глобального человечества.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

- Аристотель, 1983 – *Аристотель*. Политика // Соч. в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль. 1983. С. 376-694.
- Воронина, 2017 – *Воронина О.А.* Основные идеи и концепты феминистской социальной эпистемологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 2. С. 141-151.
- Воронина, 2019 – *Воронина О.А.* Феминизм «третьей волны» или постфеминизм? // Сборник материалов научной конференции Тверского ГУ «Гендерные отношения в мире глобализации: вызовы и перспективы» / ред. В. И. Успенская. Тверь: ТГУ, 2019. С. 6-11.
- Гегель, 2000 – *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа / пер. Г. Г. Шпета. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Кант, 2010 – *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения / пер. с нем. Н. М. Соколова. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 194 с.
- Клингер, 1998 – *Клингер К.* Либерализм-марксизм-постмодернизм. Феминизм и его счастливый или несчастный «брак» с различными теоретическими течениями 20-го столетия // Гендерные исследования. 1998. № 1. С. 27-45.
- Коллонтай, 1919 – *Коллонтай А.* Новая мораль и рабочий класс. М.: Всерос. Центр. Исполн. Ком. Сов. Р.К. и К. Депутатов, 1919. 62 с.

Комплексный подход к проблеме равенства женщин и мужчин. Концептуальные рамки, методология и ознакомление с позитивным опытом. Заключительный доклад о деятельности Группы специалистов по вопросу о комплексном подходе к проблеме равенства женщин и мужчин (EG-S-MS). Страсбург, 1998 / пер. с англ. Council of Europe, 1998.

Кэрролл, Зерилли, 200 – *Кэрролл С., Зерилли Л.* Феминистские вызовы политической науке // Гендерная реконструкция политических систем / под. ред. Н. М. Степановой и др. СПб: Алетейя, 2004. С. 877-919.

Миллетт, 1994 – *Миллетт К.* Сексуальная политика (пер. с англ. глав из книги) // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 23-58.

Гардинер (ред.), 2001 – Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы / под ред. *Ф. Гардинер*; пер. с англ. под ред. Е. Б. Мезенцевой. М.: Идея-Пресс, 2001. 312 с.

Полянский, 2014 – *Полянский Д.В.* Ревизия политической философии И. Канта с позиций феминистской эпистемологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 6. С. 48-55.

Попкова, 2001 – *Попкова Л.Н.* Политика равных прав и равных возможностей (на примере США) // Теория и методология гендерных исследований / под ред. О. А. Ворониной и др. М.: МЦГИ-МВШСЭН, 2001. С. 152-167.

Шенли, Пейтмен (сост.), 2005 – Феминистская критика и ревизия истории политической философии / сост.: М.Л. Шенли, К. Пейтмен; пер. с англ. О. Дворкиной. М.: РОССПЭН, 2005. 400 с.

Bacchi, 1996 – *Bacchi C.L.* The Politics of Affirmative Action: “Women”, Equality & Category Politics. L. etc.: Sage Publications, 1996. 490 p.

Chodorow, 1978 – *Chodorow N.* The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley: University of California Press, 1978. 263 p.

Dworkin, MacKinnon, 1988 – *Dworkin A., MacKinnon C.* Pornography and Civil Rights: a New Day for Women’s Equality. Minneapolis, MN: Organizing Against Pornography, 1988. 194 p.

Eisenstein (ed.), 1979 – Capitalist Patriarchy and the Case of Socialist Feminism / ed. by *Z. Eisenstein*. N. Y.: Monthly Review Press, 1979. 394 p.

Elstain, 1982 – The Family in Political Thought / ed. by *J. Elstain*. Brighton: Harvester Press, 1982. 208 p.

Equal Opportunities for Women and Men in the European Union. Annual Report of European Commission 2000. Luxemburg: Office for Official Publications of European Communities.

Friedan, 1963 – *Friedan B.* The Feminine Mystique. N. Y.: Dell, 1963. 490 p.

Gilligan, 1982 – *Gilligan C.* In a Different Voice: Psychological Theory and Women’s Development. Cambridge (Mass.); L.: Harvard University Press, 1982. 180 p.

Hannah, 2020 – *Hannah R.* The Morality of Resisting Oppression // Feminist Philosophy Quarterly. 2020. Vol. 6. P. 1-25.

Held, 1997 – *Held V.* Feminism and Moral Theory // Feminist Social Thought: a Reader / ed. by D. Meyers. N.Y; L.: Routledge.1997. P. 630-645.

Itzin (ed.), 1992 – Pornography: Women Violence and Civil Liberties. A Radical New View / ed. by *C. Itzin*. Oxford: Oxford University Press, 1992. 645 p.

Jaggar, 1983 – *Jaggar A.* Feminist Politics and Human Nature. Brighton: Harvester, 1983. 416 p.

Junor, 1996 – *Junor B.* Greenham Common Women’s Peace Camp: A History of Non-Violent Resistance, 1984-1995. L.: GCWPC Books, 1996. 281 p.

- King, 1995 – *King U.* Religion and Gender. Oxford: Blackwell, 1995. 324 p.
- Lyndon, Pateman, 1991 – *Lyndon M., Pateman C.* Feminist Interpretation of Political Theory. State College: Pennsylvania State University Press, 1991. 298 p.
- MacKinnon, 1987 – *MacKinnon C.A.* Feminism Unmodified: Discourses on Life and Law. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1987. 315 p.
- Okin, 1980 – *Okin S.* Women in Western Political Thought. Princeton: Princeton University Press, 1980. 371 p.
- One Hundred Words for Equality. A Glossary of Terms on Equality between Women and Men. European Commission, 1998.
- Rich, 1977 – *Rich A.* Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. L.: Virago, 1977. 322 p.
- Sargent (ed.), 1981 – Women and Revolution: A Discussion of the Unhappy Marriage of Marxism and Feminism Ed.by *L. Sargent*. L.: Pluto Press, 1981. 390 p.
- Scott, 1997 – *Scott J.W.* Deconstructing Equality-Versus-Difference: or the Uses of Poststructuralist Theory for Feminism // Feminist Social Thought: a Reader. N. Y.-L.: Routledge, 1997. P. 757-770.
- Stetson, 1997 – *Stetson D.M.* Women's Rights in the USA: Policy Debates and Gender Roles. N. Y., L.: Garland Publishing Inc., 1997. 426 p.
- Young, 1990 – *Young I.* Justice and the Politics of Difference. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990. 303 p.

References

- Aristotle. *Politika* [Politics]. In: Op. in 4 volumes, vol. 4. Moscow: Thought Publ., 1983, pp.376-694. (in Russian)
- Bacchi, C.L. The Politics of Affirmative Action: "Women", Equality & Category Politics. London etc.: Sage Publications, 1996.
- Eisenstein Z. (ed.). Capitalist Patriarchy and the Case of Socialist Feminism. New York: Monthly Review Press, 1979.
- Caroll, S., Zerilli, L. Feministskie vyzovy politicheskoy nauki [Feminist challenges to political science]. In: N.M. Stepanova et al. (eds.). *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Gender Reconstruction of Political Systems]. Saint Petersburg: Aletya Publ., 2004, pp. 877-919. (in Russian)
- Chodorow, N. The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley: University of California Press, 1978.
- Dworkin, A., MacKinnon, C. Pornography and Civil Rights: a New Day for Women's Equality. Minneapolis, MN: Organizing Against Pornography, 1988.
- Equal Opportunities for Women and Men in the European Union. Annual Report of European Commission 2000. Luxemburg: Office for Official Publications of European Communities.
- Feministskaya kritika i reviziya istorii politicheskoy filosofii [Feminist Criticism and Revision of the History of Political Philosophy] / transl. from Engl. by O. Dvorkina. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005. (in Russian)
- Elstain J. (ed.). The Family in Political Thought. Brighton: Harvester Press, 1982.
- Friedan, B. The Feminine Mystique. New York: Dell, 1963.
- Hegel, G.W.F. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the Spirit] / transl. by G. G. Shpet. Moscow: Nauka Publ., 2000. (in Russian).
- Gardiner, F. (ed.). Obespechenie ravenstva polov: politika stran Zapadnoy Evropy [Ensuring Gender Equality: the Policy of Western European Countries] / transl. from Engl. Moscow: Idea-Press, 2001. (in Russian)
- Gilligan, C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1982.

Hannah, R. "The Morality of Resisting Oppression", *Feminist Philosophy Quarterly*, 2020, vol. 6, pp. 1-25.

Held, V. Feminism and Moral Theory. In: D. Meyers (ed.). *Feminist Social Thought: a Reader*. New York; London: Routledge, pp.630-645.

Jaggar, A. *Feminist Politics and Human Nature*. Brighton: Harvester, 1983.

Kant, I. *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya* [Anthropology from a Pragmatic Point of View] / transl. from Germ. by N.M. Sokolov; 2nd ed. Moscow: URSS Publ., 2010. (in Russian)

Itzin, C. (ed.). *Pornography: Women Violence and Civil Liberties. A Radical New View*. Oxford: Oxford University Press, 1992.

Junor, B. *Greenham Common Women's Peace Camp: A History of Non-Violent Resistance, 1984-1995*. London: GCWPC Books, 1996.

King, U. *Religion and Gender*. Oxford: Blackwell, 1995.

Klinger, K. "Liberalizm-marksizm-postmodernizm. Feminizm i ego schastlivyy ili neschastnyy 'brak' s razlichnymi teoreticheskimi techeniyami 20-go stoletiya" [Liberalism-Marxism-postmodernism. Feminism and its happy or unhappy "marriage" with various theoretical trends of the 20th century], *Gender Studies*, 1998, no. 1, pp. (in Russian)

Kollontaj, A. *Novaya moral i rabochij klass* [New Morality and the Working Class]. Moscow: Vseros. Centre. Executive Com. Sov. R.K. and K. Deputies, 1919. (in Russian)

Kompleksnyj podkhod k probleme ravenstva zhenshchin i muzhchin. Kontseptualnye ramki, metodologiya i oznakomlenie s pozitivnym opytom. Zaklyuchite'nyj doklad o deyatelnosti Gruppy spetsialistov po voprosu o kompleksnom podkhode k probleme ravenstva zhenshchin i muzhchin (EG-S-MS) [An integrated approach to the problem of equality of women and men. Conceptual framework, methodology and introduction to positive experiences. Final report on the activities of the Team of Specialists on an Integrated Approach to the Problem of Equality of Women and Men (EG-S-MS)]. Strasbourg, 1998 / transl. from Engl. Council of Europe, 1998. (in Russian)

Lyndon, M., Pateman, C. *Feminist Interpretation of Political Theory*. State College: Pennsylvania State University Press, 1991.

Millett, K. "Seksualnaya politika" [Sexual politics] (book chapters transl. from Engl.), *Voprosy filosofii*, 1994, no. 9, pp. 23-58. (in Russian)

Okin, S. *Women in Western Political Thought*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1980.

One Hundred Words for Equality. A Glossary of Terms on Equality between Women and Men. European Commission, 1998.

Polyanskij, D. V. "Reviziya politicheskoy filosofii I. Kanta s pozitsij feministskoj epistemologii" [Revision of I. Kant's political philosophy from the standpoint of feminist epistemology], *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant], 2014, no. 6, pp. 48-55. (in Russian)

Popkova, L.N. *Politika ravnih prav i ravnih vozmozhnostej (na primere SSA)* [Policy of equal rights and equal opportunities (on the example of the USA)]. In: O.A. Voronina et al (eds.). *Teoriya i metodologiya gendernyh issledovanij* [Theory and Methodology of Gender Studies]. Moscow: MCGS Publ., 2001, p.152-167. (in Russian)

Rich, A. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. London: Virago, 1977.

Sargent, L. (ed.). *Women and Revolution: A Discussion of the Unhappy Marriage of Marxism and Feminism*. London: Pluto Press, 1981.

Scott, J.W. Deconstructing Equality-Versus-Difference: or the Uses of Poststructuralist Theory for Feminism. In: *Feminist Social Thought: a Reader*. New York-London: Routledge, 1997, pp. 757-770.

Stetson, D.M. Women's Rights in the USA: Policy Debates and Gender Roles. New York; London: Garland Publishing Inc., 1997.

Voronina, O.A. Feminizm "tret'ej volny" ili postfeminizm? [Feminism of the "third wave" or post-feminism?]. In: *Gendernye otnosheniya v mire globalizatsii: vysovy i perspektivy* [Gender Relations in the World of Globalization: Challenges and Prospects]: Proceedings of the academic conference of Tver State University / ed. by V. I. Uspenskaya. Tver: TSU Publ., 2019, pp. 6-11. (in Russian)

Voronina, O.A. "Osnovnye idei i kontsepty feministskoj sotsialnoj epistemologii" [Basic ideas and concepts of feminist social epistemology], *Vestnik permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2017, no. 2, pp. 141-151. (in Russian)

Young, I. Justice and the Politics of Difference. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990.

Поступила в редакцию: 25.10.2022

Принята к публикации: 10.11.2022